

- ⁴ Там же. С. 531–532.
⁵ Там же. С. 451.
⁶ Там же. С. 432.
⁷ Бельский В. Ю., Кемалова Л. И. Маргинальность постсоветского общества // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / науч. ред. И. И. Кальной, А. В. Горбань. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2011. С. 412.
⁸ См.: Українське суспільство 1992–2013... С. 454.
⁹ Там же. С. 438–439.
¹⁰ См.: Ломко И. Г. Роль политических партий Украины в становлении гражданского общества // Гражданское общество и государство / под общ. ред. П. В. Кузьмина, А. И. Апселямовой, И. Г. Ломко. Симферополь : ДИАЙПИ, 2013. С. 133–134.
¹¹ Вмешательство во внутренние дела суверенного государства // Белая Книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 – март 2014) / Министерство иностранных дел РФ. М., 2014. С. 29.
¹² Там же. С. 30.
¹³ Думки і погляди жителів південно-східних областей України : квітень 2014 року // Киевский международный институт социологии : [сайт]. URL: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=302&page=1> (дата обращения: 15.05.2014).
¹⁴ Там же.
¹⁵ Лицо «Евромайдана» (социальный портрет участников протестов). URL: www.obozrevatel.com/infografic/19638-litso-evromajdana-sotsialnyj-portret-uchastnikov-protestov.htm (дата обращения: 20.12.2013).
¹⁶ Там же.
¹⁷ Яковлев М. В. Сучасні методи дослідження політичного активізму он-лайн // Стратегічні пріоритети. 2011. № 4 (21). С. 77.
¹⁸ Безрук О. О. Політична мобілізація як чинник динаміки політичного процесу: теоретичний аспект // Вісн. СевНТУ : зб. наук. пр. Сер. Політологія. Вип. 145/2013. С. 54.
¹⁹ Думки і погляди жителів південно-східних областей України: квітень 2014 року.
²⁰ Безрук О. О. Указ. соч. С. 56.

УДК 338

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И ГОСУДАРСТВО

Н. И. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье анализируются противоречия актуализации в современной политике ценности «справедливость», свойственные либеральной теории и либерально-демократической практике. Предложены подходы к неидеологизированному определению логики и структуры связи между государственной политикой и «справедливостью» в условиях реального политического процесса.

Ключевые слова: государство, справедливость, социально-политические ценности, теория либеральной политики, либерально-демократическая политика, «цветные революции».

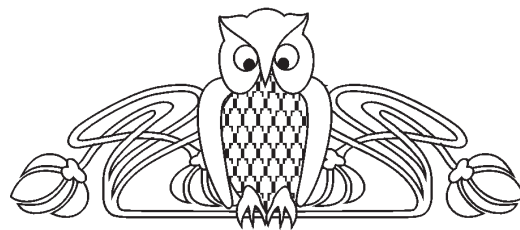
«Fairness» and the State

N. I. Shestov

The article analyzes the contradictions of actualization of the value «fairness» in modern politics inherent in liberal theory and liberal democratic practices. The approaches to non-ideological definition of logic and the structure of the relation between public policy and «fairness» in a real political process are suggested.

Key words: state, fairness, social and political values, theory of liberal politics, liberal and democratic politics, color revolutions.

Некоторые обстоятельства современной политики делают разговор на эту вечную тему актуальным. Никогда, наверное, прежде государства во всем цивилизованном мире не прилагали столько усилий для воплощения в своей политике начал социальной справедливости. Многие из них даже закрепили за собой в конституциях

статус «социальных государств» и «правовых государств», имея в виду, что в условиях демократии именно «закон» как продукт демократических законодательных процедур оптимально реализует принцип справедливости, и все исполнители «закона» в своей деятельности должны руководствоваться именно принципом «справедливости». И вместе с тем никогда прежде общество не проявляло такой настойчивости в требовании от государства быть «еще более справедливым». Настойчивости, находящей свое выражение и в требованиях граждан развитых и развивающихся стран к своим правительствам любой ценой (даже ценой участия государства в банковских спекуляциях и «надувании финансовых пузырей», как это особенно ярко проявилось в экономическом кризисе, начавшемся в 2008 г. и продолжающемся с откатами до сих пор) поддерживать масштабные социальные программы и проекты, наращивать бюджетные инвестиции в социальную политику. И в требованиях одних граждан, из соображений справедливости, продолжать принимать и обеспечивать «пакетом социальных гарантий» все увеличивающиеся ряды эмигрантов в структуре современных гражданских обществ. И в требовании другой части тех же граждан, из соображений той же справедливости, этот поток эмигрантов ограничить и сделать использование бюджетных ресурсов

прерогативой коренного населения. Требование к государству быть «еще более справедливым» заявляет о себе и во все нарастающей угрозе нынешнему государственному порядку со стороны многочисленных террористических организаций и движений, собирающих под своими знаменами тех, кто считает, что нынешний мир, в котором все определяет политика государств, устроен недостаточно справедливо. В объективном смысле «справедливость» как политическая ценность приобретает сегодня свойство цивилизационного вызова, обращенного ко всем ключевым субъектам современной политики.

Современные государства и граждане, наверное, намного лучше понимали бы друг друга, если бы политическая теория и практика представляли им какие-то прочные основания для формулирования ответов на этот вызов. На деле все выглядит крайне противоречиво. Пример либеральной теории, многое определяющей в смысле и стиле политики в разных странах мира, в этом отношении показателен. С одной стороны, весь смысл приведения государственного порядка в соответствие с высокими стандартами классической либеральной доктрины в том и состоит, чтобы сделать этот порядок более справедливым. То есть более соответствующим тем «естественным» правам и свободам, которые из стаи приматов создают общество граждан, а из «войны всех против всех» создают правовой порядок¹. Государство обеспечивает и защищает эти «естественные» права и свободы и уже в силу этого является воплощением «справедливости» и потенциально имеет возможность наращивать это свое свойство. Современные либеральные теоретики более критичны в оценках способностей государственных институтов и государственной политики. Иногда звучат очень даже пессимистические прогнозы, как, например, в книге «Прекариат: новый опасный класс» профессора Лондонского университета Гая Стэндинга².

Но и современные теоретики, озираясь вокруг себя, тоже, как правило, не находят ничего, что могло бы превосходить либерально-демократическое государство по способности следовать в политике и управлении принципу справедливости – что в отношении собственных граждан, что в отношении многочисленных эмигрантов, что в отношении международных проблем. В концентрированном виде суть этой позиции выразил вице-президент США Дик Чейни на саммите балтийских и черноморских стран в Вильнюсе в мае 2005 г.: «Распространение демократии необратимо. Оно на пользу всем и не является угрозой никому. Система, которая дала надежду на берегах Балтийского моря, может принести надежду и на берега Черного моря и даже дальше. То, что применимо для Вильнюса, так же применимо и для Тбилиси, и для Киева. И это же применимо и в Минске, и в Москве. Возвращение к демократии будет гарантировать больше успеха

и больше уважения со стороны соседних государств»³. Иначе говоря, без распространения на весь мир принципов либеральной государственной политики прогресс человеческой цивилизации как моральный, так и материальный невозможен как таковой.

С другой стороны – популярная среди либералов всего мира идея «минимизации» государства. Меньше государства – больше простора для гражданских инициатив, для свободного выбора того «исходного положения» (по Дж. Роулзу⁴), в соответствии с которым гражданин способен сделать «честный» политический выбор в пользу «справедливости» и других «естественных» ценностей.

Показательна одна из формулировок этого либерального «символа веры», предложенная современным американским политическим философом Робертом Нозиком в его теоретической работе «Анархия, государство и утопия». Работа посвящена в главных своих разделах обоснованию неизбежности и справедливости существования «минимального государства», и даже «ультраминимального государства». В главе с очень показательным названием «Моральные ограничения и государство» (а «справедливость», заметим, есть ценность именно морального порядка) американский философ рассуждает следующим образом: «Государство – ночной сторож» классической либеральной теории, функции которого ограничены защитой всех граждан от насилия, воровства и мошенничества, а также обеспечением исполнения договоров и т. п., на первый взгляд кажется перераспределительным. Можно представить, по меньшей мере, один промежуточный тип общественного устройства между схемой частных защитных ассоциаций и «государством – ночным сторожем». Поскольку «государство – ночной сторож» часто именуют минимальным государством, мы будем называть этот промежуточный тип устройства ультраминимальным государством. Ультраминимальное государство обладает монополией на все формы применения силы, за исключением необходимой самообороны, и, таким образом, исключает ответное применение силы (например, ради мести или получения компенсации) со стороны частных лиц (или частных агентств); в то же время оно защищает и обеспечивает права только тех, кто приобретает соответствующие услуги. Люди, которые не покупают у монополии «охранный полис», не получают защиты. Минимальное государство (ночной сторож) эквивалентно ультраминимальному государству в сочетании с (бесспорно перераспределительной) ваучерной схемой в духе Фридмена, финансируемой за счет налогов. При этой системе всем людям или некоторым из них (например, нуждающимся) дают финансируемые за счет налогов ваучеры, которые могут быть использованы только для покупки охранных полисов у ультраминимального государства»⁵.

Приобрести в обмен на уплаченные налоги ваучер или полис на пользование справедливостью как качеством, которым обладают, по логике приведенного рассуждения, все важнейшие, пусть и немногочисленные, государственные услуги, – это идея, вдохновляющая своим жизненным оптимизмом. Согласно такой логике гражданин, не заключивший сделки с государством, должен воспринимать как наивысшее проявление справедливости в демократических политических отношениях то, что государство просто не замечает его существования.

У граждан в современных развитых странах либеральная теория воспитала за минувшее столетие стойкую уверенность, что их права и свободы естественны, и законы, которые их защищают, и есть те «ваучеры» и «полисы», которые они в случае чего вправе предъявить своему государству в качестве долгового обязательства последнего. Но все оказывается не так просто. Сейчас тематика исламской эмиграции громко звучит в политическом дискурсе европейских стран, и вот один из современных германских публицистов поясняет современникам, почему бессмысленны их попытки воззвать к справедливости и добиться от государства защиты в культурной и экономической конкуренции с эмигрантами из исламского мира: «Даже если бы сегодня начались серьезные дебаты о немецкой идентичности и ее предполагаемой потере, они бы ни к чему не привели. Гомогенное национальное государство – это фикция, в реальности же существует другая Германия – страна иммиграции. Это соответствует законам рыночной экономики и желанию тех, кого это непосредственно касается. И это правильно. Все остальное – лишь социальный романтизм, непозволительный в наше время ни для общества, ни для экономики. И уж тем более для немцев в самом сердце Европы»⁶. Иначе говоря, кто приобрел полис на государственные услуги или кто получил его от государства в подарок как эмигрант, тот и гражданин. Патриотизм, гражданская лояльность, гражданская ответственность никакого значения для государственной политики более не имеют, когда государство выбирает, на кого распространить свое справедливое отношение. Все решает, как у обычного частного предпринимателя, интерес к экономической выгоде.

Либеральная теория, поднимая вопрос о количестве и качестве государства, необходимым для реализации принципа справедливости в политике, права в том, что ценность справедливости – это ресурс, которым государство и общество обладают и обмениваются. Проблема в том, что либеральная теория признает единственно соответствующим «духу справедливости» только один из возможных вариантов такого обмена. Именно тот, который связан с функционированием либерально-демократических систем, – рыночный вариант, когда обмен ориентирован

на получение выгоды. Она не замалчивает существования иных вариантов обмена ресурсом ценностей между государством и обществом, существующих в нелиберальных системах. Просто факт их существования для либеральной модели не существенен в деле определения основного вектора движения современного мира политики к справедливому состоянию. Выражением такого отношения является популярное среди либеральных исследователей и политиков деление всех обществ на «традиционные», в которых общество и государство солидарны на почве представления о незыблемости ключевых ценностей, и «модернизированные», в которых общество и государство готовы торговаться по этому предмету. Естественно, что не первый тип общества, с точки зрения современной либеральной доктрины, определяет вектор прогресса. Данный идеологический пассаж либеральной теории снимает с научного обсуждения вопрос о том, каково должно быть качество «по-настоящему справедливого» государства, в какой форме связь между «государством» и «справедливостью» как ценностями имеет наиболее органичный вид и наиболее перспективна в цивилизационном плане. Но он оставляет современного гражданина в неведении относительно того, как на практике может нормально функционировать такой «рынок» ценностей, и основанных на них договорных отношений общества и государства, если, по логике либеральной теории, спрос общества на «справедливые» государственные услуги будет устойчиво расти, а возможности государства предоставить ему такие услуги будут сокращаться просто в силу уменьшения доли присутствия государства как такового на политическом «рынке». Присутствие государства в политике определяется его активностью, активность поддерживают его институты, от которых общество получает услуги. Уйдут с политического рынка такие институты, и услуг станет меньше, в том числе и «справедливых».

Формула «меньше государства – больше справедливости» выглядит логичной только в одном случае: если наделить государство одной единственной функцией – сторожить своих граждан. Оно, будучи социальным и правовым, будет сторожить всех одинаково. Будет это воплощать всеобщую и высшую справедливость? Сами либеральные теоретики более чем полвека назад назвали такое состояние политических отношений «государственным тоталитаризмом». Если же принять во внимание, что фактически у любого современного государства имеются и некоторые другие функции помимо тех, что связаны со стережением своих граждан, то эти фактические обстоятельства укладываются в другую формулу: «Больше государства – больше справедливости, меньше государства – меньше справедливости». Формула теоретически не бесспорная, но именно на нее (что всегда выгляде-

ло необъяснимым феноменом «тоталитарного сознания» для либеральных теоретиков) оказалось отзывчиво массовое сознание современных обществ, включая либерально-демократические. Чем более широкий круг задач вставал перед ними в XX столетии, тем более проявлялся их интерес к увеличению общего объема «ресурса справедливости» в политике за счет именно государственных институтов как держателей этого ресурса, за счет превращения государственных институтов в основной инструмент «справедливого» решения административных, политических, а также экономических, и культурных проблем. Те возрастающие претензии к государственным институтам со стороны современных обществ, о которых упоминалось выше, есть, собственно, оборотная сторона этого обостренного интереса и симптом такой тенденции.

В отличие от теории, либерально-демократическая политическая практика никогда не ставила под сомнение факт связи между силой государства и стабильностью тех ценностей, на которые ориентировано общественно-государственное взаимодействие. Показательным примером в этом отношении является политический опыт США, а также Германии и Франции как стран, определяющих ныне для остального мира те стандарты использования ценностных мотиваций в политике, которые политологи и публицисты часто именуют «двойными стандартами». Суть двойственности этих «стандартов», как представляется, не только в том, что они выглядят по-разному для разных стран, пытающихся согласовывать с ними свое политическое поведение. Двойственность более всего заметна в том, как в этих стандартах связаны между собой государство как ключевой агент современной цивилизованной политики и те ценности, которые, собственно, делают эту политику цивилизованной в глазах мирового сообщества.

Понять, как это работает, можно на примере «цветных революций». Эта технология представляет собой в некотором смысле ставший классическим в силу своего единообразия образчик манипулирования связью между «государством» и «справедливостью». На протяжении довольно длительной человеческой политической истории все, кто выступал в роли противника государства и государственного порядка в обществе, вдохновлялись мыслью, что они являются борцами за справедливость. «Цветные революционеры» – не исключение. Поскольку справедливость есть основа существования социального порядка, общество обладает монополией на представление о том, что справедливо, а что нет, то любой, кто борется за «справедливость», приобретает (по крайней мере, с точки зрения самооценки) право говорить с государством, с правящей элитой от имени общества как такового. И если кто-то, пусть даже в меньшинстве, выступает за «справедливость», то как тут не согласиться с тем, что

он поборник прогресса, на пути которого стоят суверенно действующие и уже в силу этого «несправедливые» государственные институты, и что за его спиной стоит весь «народ»?

В то же самое время в структуре все тех же «цветных» политических технологий в обязательном порядке присутствует некое другое, по определению «справедливое государство», как правило, большое, экономически обеспеченное и политически авторитетное в вопросах соблюдения «естественных» прав и свобод любого общества, во всем мире. Оно играет роль третьей силы в нарастающем конфликте между действующим суверенным государством и его малочисленными, но активными и выступающими от имени всего «общества» и даже «мирового сообщества» противниками. Эта «третья сила» первоначально морально и информационно, иногда материально поддерживает «цветных» активистов и отслеживает момент, когда действия государства по отстаиванию собственного суверенитета приведут его к силовому противостоянию с активистами «цветной революции». Затем эта «третья сила» разворачивает информационную войну на дискредитацию всего, что делают государственные институты, отбивающиеся от активистов борьбы за «справедливость». И, наконец, от имени «мирового сообщества» на правах своего рода хранителя традиций «справедливости» эта «третья сила» выносит приговор государству, борющемуся за суверенитет, объявляет его средоточием «мировой несправедливости». Дальше все происходит по сценарию, за последние три десятка лет многократно проигранному разными политическими силами в разных частях планеты: при участии «мирового сообщества» восстанавливается «мировая справедливость» путем уничтожения очередного суверенного государства.

Общество – исторический монополист в обладании правами на ценности, включая «справедливость». Технология прямо не нарушает эту логику, она ее трансформирует. Государство, играющее роль «третьей силы», чаще всего, заметим, позиционирует себя в информационной сфере конфликта не как государство, т. е. не как структура, имеющая политические интересы, по определению отличные от общественных, а как представитель интересов «мирового сообщества». Фактически – некое «мегаобщество», которое наделено высшим знанием о «мегасправедливости». И действует оно, такое государство, замаскировавшее собственные интересы под общественные, чаще всего посредством не своих государственных институтов, а многочисленных общественных организаций, в том числе международных, афилированных этим институтам. Оно меняет свой имидж в глазах граждан, свою ценностную атрибутику и свою позицию в политическом процессе по отношению к обществу и его ценностям.

Получается, что по ходу политического процесса в одних ситуациях «государство» выступает антиподом «справедливости» в политике, в других – ее хранителем и проводником в мир людей. В одних случаях «государство» – антипод «общества», в других – чуть ли не высшее воплощение общественного начала в политической жизни.

Есть ли смысл, имея в виду очевидные противоречия либеральной политической теории, на которую более всего сориентирована современная политическая наука и практика, и противоречия самой политической практики в вопросе установления связи между «государством» и «справедливостью», предпринимать попытки установить некую «сквозную», не зависящую от конкретных условий политического процесса и его идеологических приоритетов, логику такой связи? Логику, которая была бы приемлема для использования в формате нелиберальных научных теорий, социалистических и консервативных в первую очередь, которая вписывалась бы в нелиберальные идеологические проекты и минимально конфликтовала бы с концептуальными основами самой либеральной теории и практики.

Наверное, смысл в этом есть, причем практический. По ходу политического процесса обычно происходит корректировка или даже существенное изменение смыслового наполнения той или иной социально-политической ценности. Факт еще более очевидный, что меняются институциональные и режимные характеристики самого государства, меняется расстановка акцентов в политической культуре властных элит как держателей ценностного ресурса политики. Меняется сама «идея государства». Массовое сознание проявляет повышенный интерес к тем моделям и технологиям государственного управления, которые позволяют современным государствам управлять, в первую очередь, не территориями, человеческими и природными ресурсами, а политическим временем как условием эффективного использования территорий, человеческих и природных ресурсов. Способность контролировать скорость изменений в социально-политической системе и тем определять границы и направленность временного континуума (модернизация, стабилизация, возвращение «к истокам») стало решающим ресурсом легитимности для современного государства.

С другой стороны, постоянно меняется и общество как держатель ценностного ресурса. Проявляется это изменение в отказе общественного сознания от одних ценностных приоритетов и в установлении других приоритетов, в смешении границ, отделяющих в общественной культуре «справедливое» от «несправедливого», в наделении особым целеполагающим смыслом одних социальных практик взамен других. Науке, чтобы отследить направленность и динамику таких изменений, по возможности спрогнозировать

их и просчитать риски, необходима некоторая теоретическая точка отсчета в виде максимально общего представления о справедливости как ценностном ресурсе, обладающем свойствами, в равной мере интересными и для государства, и для общества и побуждающими их вступать в политический диалог или политическую конфронтацию на почве конкуренции за этот ресурс.

Решение этой задачи представляется разумным начинать с одной принципиальной поправки, касающейся пространственной организации и свойств ценности «справедливость». «Справедливости» в реальности не существует без «несправедливости». «Справедливость» начинается там, где заканчивается «несправедливость». Только понимая, что «несправедливо», общество может с уверенностью определить, что «справедливо». Именно так образуется та условная по причине своей большой естественной подвижности «точка отсчета» актуализации ценности «справедливость» в политике и других социальных практиках. **Что делает государство**, это уже состоявшийся результат актуализации «справедливости». Либо «несправедливости», которая тоже может рассматриваться как ценность для массового сознания, только с негативным значением. Для понимания момента фазового перехода «несправедливость/справедливость», понимание того, с чего и как начинается этот переход от видения обществом одних и тех же действий государства как справедливых к видению их как несправедливых, и наоборот, надо представить, **как государство это делает**.

Изучать проблему справедливости с позиции того, **что делает государство** значит (пример либеральной теории тут показателен) заведомо связывать себя узами идеологического предпочтения, завышенными ожиданиями, что есть где-то в мире та единственно «правильная» государственная политика, которая, будучи однажды найденной и внедренной по всему свету, разом делает мир справедливым, а людей счастливыми. Противоречия в либеральной политической теории и практике, упомянутые выше, проистекают как раз из того, что игнорируется факт органической связи между «справедливостью» и «несправедливостью»: либо справедливость, либо ничего! По этой логике получается, что всегда есть некое идеально «справедливое» действие государства, которое по определению ни при каких условиях не может стать «несправедливым», и есть некое столь же идеально «несправедливое» действие государства, которое ни при каких условиях не может считаться «справедливым». Поскольку большинство государств во взаимных отношениях и внутренней политике действуют примерно одинаково (сообразно своим базовым функциям) и предпринимает примерно одинаковый ряд действий, то взаимная конкуренция заставляет их приспособлять такую логику к реальности. Одно и то же действие

государства объявляется «справедливым», если оно исходит от «своего» государства, и «несправедливым», если это действие «чужого» государства. Это логика генезиса тех самых «двойных стандартов» политической философии либеральной политики, которая многих возмущает в современном мире, но с которой никто не знает что делать.

Эта логика не принимает во внимание тот факт, рассмотренный нами на примере «цветных революций», что **одно и то же действие государства** в одном случае обществом воспринимается как «справедливый акт», а в другой – как акт «несправедливый». Либо разными группами граждан одно и то же действие государства оценивается с диаметрально противоположных позиций. Значит, важно не то, что делает государство. Оно, в современном мире особенно, в сходных политических ситуациях делает примерно одно и то же.

Повторимся: принципиальное значение для понимания существования и актуализации в одном политическом пространстве и времени «справедливости» и «несправедливости» имеет представление о том, как государство делает то, что оно должно делать в политике, чтобы оставаться государством. Важно представить, каков исходный порядок и принцип действия государственной элиты, что в разных ситуациях он допускает не просто различие оценок конечного результата массовым сознанием, а и то, что мы условно назвали «фазовым переходом» от одного состояния актуальности социально-политической ценности к другому. В силу чего эти принцип и порядок настолько устойчивы, что о связи государственной политики со справедливыми и несправедливыми решениями и действиями человечество спорит с самого момента появления на свет политики как самостоятельной сферы социальных практик и государства как одной из таких практик?

Как и многие другие «фазовые переходы» в массовом сознании и в политической культуре обществ во все времена, этот переход, возможно, тоже имеет смысл каким-то образом связать с инверсионной логикой функционирования социальной мифологии. В данном случае в той ее части, которая связана с обслуживанием потребностей совместного участия элит и общества в едином политическом процессе, с решением задачи соединения их усилий в деле совместного производства на свет отношений, которые после закрепления в соответствующих идеях, нормах и институтах мы называем государством.

«Справедливость» по своему историческом генезису – в чистом виде общественный продукт. Она появилась как ценность на свет раньше государства в его институциональном и ценностном измерениях. Исторически именно общество наделило государство возможностью оперировать этой ценностью, включив «справедливость» в механику элитогенеза в качестве ключевой по-

зиции, на который эта механика ориентирована. По этой причине «справедливость» изначально связана с государством более органично, чем любая другая ценность, та же ценность «свободы», например. «Справедливость» берется на вооружение госэлитами именно как инструмент заявления ими о своей органической «социальности». Такое заявление не случайно присутствует в поведении любой элиты, поскольку это гарантия признания за ней обществом права на существование с ним в одном пространстве и времени. **Справедливость/несправедливость является политической ценностью в силу того, что она в основе своей есть базовый социальный миф, пользование которым социум делегирует государству в режиме практик элитообразования. Социум приобщает государство к сакральной основе своего существования и тем легитимирует само его существование.**

Когда элита заговаривает о «справедливости», она таким образом переходит в коммуникации с обществом с языка политических интересов, выгод и рациональности (этой инверсии не принимают во внимание либералы, для которых дискурс любого политического субъекта в «нормальной» политике всегда рационален) на язык социального мифа. И прочность связи элиты с этой ценностью на уровне государственной политики определяется именно готовностью и способностью элиты согласовывать свой дискурс «о справедливости» с дискурсом общества, не выходить в такой коммуникации за границы, очерченные социальной мифологией. Границы эти можно представить следующим образом.

Для общества «справедливость» есть обусловленная свойствами индивидуальной и общественной культуры и варьирующаяся в зависимости от этих свойств готовность признать наиболее эффективными исторически апробированные порядки распределения индивидуальных и общественных ресурсов традиционными и инновационными стратегиями выживания индивида или группы. Государство – одна из таких стратегий выживания. Некогда инновационная, в силу чего не все народы в истории сразу брали ее на вооружение, со временем она стала традиционной. Поэтому, наверное, так устойчиво и объяснимо стремление прежних и нынешних обществ искать «справедливости» у государства как у последней в земном мире инстанции.

Если в том же ракурсе посмотреть на связь государства со «справедливостью/несправедливостью», то, возможно, правомерным будет такое определение: **«справедливость» или «несправедливость» государства есть способность властной элиты по ходу политического процесса удерживать свои интересы и способности реализации таковых (независимо от их авторитарного или демократического характера) в границах, делающих эти интересы и действия доступными для публичного обзоре-**

ния и общественной моральной оценки с позиции господствующих социально-мифологических представлений о смысле и назначении (функциях) политики и власти.

О том, насколько такое определение «истинно», можно спорить. В смысле научно-исследовательской практики у него есть важное достоинство. Оно дает возможность исследователю преодолеть обаяние либеральных философских рассуждений о «божественной и естественной природе общечеловеческих ценностей», не попасть в объятие других идеологических соблазнов. У исследователя появляется возможность посмотреть на связь не только государства, но и всей современной политики со «справедливостью/несправедливостью» в преимущественно технологическом ракурсе: что и для чего в механизме отношений общества и государства, в механике их оперирования социальными ценностями предназначено и как работает.

В условиях, когда массовое сознание современных обществ доходит до предела возбуждения при одном упоминании о «справедливости» в печатной статье, на интернет-форуме или в религиозной проповеди, такой технологический подход мог бы, наверное, поспособствовать понижению градуса такого возбуждения. Это могло бы стать частью того противоядия, которое современная наука лихорадочно ищет от «цветных революций». Информационную (в основе своей) технологию организации конфликта общества и государства, конструкция которой на сегодняшний день более-менее понятна, имеет смысл заблокировать информационной же технологией. Сущность ее, если руководствоваться приведенным выше определением, в насаждении в массовом сознании понимания, что это общество, и никто другой, меняя свойства структур массового сознания, особенно мифологических структур как базиса этого сознания, создает рамочные условия для конкретного стиля поведения элиты. Такого, который потом кому-то нравится, а кому-то нет. Но недовольство в данном случае является оборотной стороной недостаточного (по причине всеобщей увлеченности либеральными трактовками гражданственности) понимания простой вещи, а именно того, что уровень гражданской зрелости общества определяется не столько тем, сколько прав и свобод правдами и неправдами оно оттягало у государства в свою пользу. Уровень зрелости определяется тем, насколько это общество способно следить за состоянием своей культуры, своего массового и группового сознания, за происходящими в нем изменениями, за тем, в частности, какие границы посредством этих движений и перемен в своем сознании оно устанавливает для активности властной элиты.

Наверное, у многих современных обществ, проникшись они этим соображением до того, как подверглись экспорту «цветных революций»,

было бы меньше формальных оснований предъявлять претензии государству. История, политическая не исключение, не терпит сослагательного наклонения. Но все же: если бы эти общества с тем же тщанием, с каким они отслеживали действия властной элиты, отслеживали бы и те подвижки в своей собственной социально-политической мифологии, которые, в сущности, и позволили их элитам манипулировать «границами дозволенного», возможно, технология «цветных революций» и не была бы создана. В ней не было бы смысла. А сегодня такой смысл есть. Потому как чем менее общество отслеживает подвижки в массовом сознании, особенно на уровне социальной мифологии, тем охотнее оно откликается на внешне «рациональные» доводы в духе «для справедливой политики это нужно/не нужно». Технология «цветных революций» будет успешной до той поры, пока в стратегиях существования гражданских обществ в разных странах все будет определять примитивный и эффективный в условиях либеральной демократии гражданский запрос, обращенный к государству: «Дай!». С тем большей готовностью массовое сознание фактически создает элитам условия для расширения реального «коридора желаний и возможностей» в обмен на обещания «подачек» и не создает чего-либо, что могло бы вернуть элитам бдительность в выборе целей и способов политического существования. У современных гражданских обществ, заметим, есть механизмы такой внутренней диагностики состояний массового сознания, изменения этих состояний и превращения их в мотивации политического участия. Это институты гражданского общества, весьма разнообразные и многочисленные в любой демократической системе. Проблема только в том, что в большинстве своем они сориентированы, в духе либеральной доктрины, на взаимодействие с государством, а не на взаимодействие с собственным обществом, передовую часть которого они, по идее, должны олицетворять. На деле они в большей степени, чем конкретные консолидированные интересы своего общества, представляют в национально-государственной политике «общечеловеческие ценности», что естественным образом снижает их популярность среди собственных граждан и нередко повышает зарубежный рейтинг. Частые среди современных исследователей проблемы гражданского общества и деятельности разнообразных НКО призывы к Российскому государству помочь становлению в нашей стране гражданского общества бюджетными вливаниями в деятельность его институтов в этом смысле недостаточно логичны. Любому современному национальному или многонациональному государству имеет смысл материально и организационно вкладываться в поддержание и развитие тех ценностей, которые объединяют его с собственными гражданами, а не тех, «общечеловеческих», которые в гражда-

нах конкретного государства воспитывают мировоззрение «граждан мира» и тем фактически лишают его легитимности и властной компетенции в глазах собственных же граждан.

По крайней мере, если таким образом ориентировать технологию противодействия общества негативным технологическим воздействиям на него, действительное большинство граждан получило бы возможность задуматься над происходящим с их государством и определиться со стратегически важным вопросом. Суть его проста: когда относительно небольшая группа активистов уничтожит государство, а монополия на ценность «справедливости» в политике перейдет к самому обществу, то кто или что в политике будет олицетворять «справедливость» и «несправедливость»? Пока существовало государство, общество в нем, в практической деятельности его институтов, могло найти опору своему убеждению, что есть сила, способная своим вмешательством в постоянное балансирование «справедливости» и «несправедливости» в общественно-политических, а также правовых, культурных и экономических, международных делах решающим образом изменить такой баланс в ту или иную сторону. При отсутствии государства решающей силой становится само общество. То, которое в политическом своем состоянии объективно, на уровне групповых политических интересов и групповой политической мифологии, расколото на тех, кто одни и те же обстоятельства политического процесса считает проявлением «справедливости», и тех, кто считает их проявлением «несправедливости». Когда эта решительность общества отстоять «справедливость» и побороть «несправедливость» не амортизируется более институтами государства,

когда она оказывается обращена внутрь самой социальной структуры, все обычно заканчивается гражданской войной. А от этого уже действительно пострадает гражданское большинство. Как оно сегодня страдает во многих странах, переживших «цветные революции» в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Средней Азии, на Балканах и ставших очагами тлеющих этноконфессиональных конфликтов и источниками террористической угрозы для остального мира. Украина – яркий и наиболее близкий пример из этого широкого ряда.

Примечания

- ¹ См., например: *Монтескье Ш. Л.* Персидские письма. URL: http://modernlib.ru/books/monteske_sharl/persidskie_pisma/read/ (дата обращения: 02.01.2015).
- ² См.: *Механик А.* Униженные и оскорбленные современного мира. 22 дек. 2014. URL: <http://expert.ru/expert/2015/01/unizhennyie-i-oskorblennyie-sovremennogo-mira/> (дата обращения: 22.01.2015); *Асташенков А.* Прекариат начинает организовываться. 13 окт. 2013. URL: <http://rusplt.ru/policy/prekariat.html> (дата обращения: 23.01.2015).
- ³ Цит. по: *Быков П.* Долгая дорога на войну. 19 янв. 2015. URL: <http://expert.ru/expert/2015/04/dolgaya-doroga-na-voynu/> (дата обращения: 23.01.2015).
- ⁴ *Роулз Д.* Теория справедливости. § 4. Исходное положение и обоснование. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642> (дата обращения: 20.11.2014).
- ⁵ *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 24–25. URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/4263Nozik.anarchy_state_utopia.pdf (дата обращения: 12.11.2014).
- ⁶ Цит. по: *Быков П.* Указ. соч.

УДК 329.059470+571

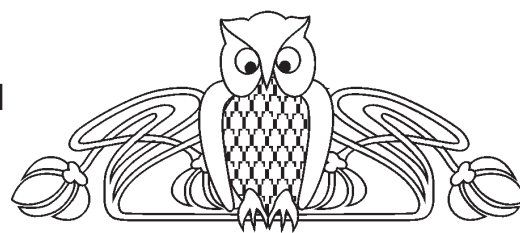
ПЕРСПЕКТИВА «СТАНДАРТОВ» СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрена эволюция представлений о связи идейно-мировоззренческих ценностей и принципов либерализма с реальной практической политикой в современном мире и в постсоветской России. Представлен анализ основных факторов инверсии «стандартов» современной либеральной политики и определены перспективы их дальнейшей эволюции в условиях нарастания конфронтации на международной арене.

Ключевые слова: либерализм, особенности либерализма в постсоветской России, инверсия либеральной политики, факторы эволюции либерализма, «стандарты» либеральной политики.

Prospects of «Standards» of Contemporary Liberal Politics

A. V. Golovchenko

The article examines evolution of an approach to the connection between ideological and world outlook values and principles of liberalism, on the one hand, and real politics in post-soviet Russia, on the other. The author analyzes key factors of inversion of modern liberal politics standards and pinpoints prospects of their evolution within escalation tensions in international relations.

Key words: liberalism, features of liberalism in post-soviet Russia, inversion of liberal politics, factors of evolution of liberalism, «standards» of liberal politics.